

ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Жанр произведения: Публицистика

Произведение написал автор BookBox Владимир Хадеев

Ссылка на публикацию

Завершающему десятилетию XX века посвящается "Политика, политика и ещё рлаз политика" — продолжает учить нас дедушка, не выходя из дома и даже не вставая с постели. Хоть он и прикован к ней, однако чувствует себя превосходно. И вопреки своему преклонному возрасту абсолютно лишён склонности жаловаться на здоровье. Несмотря на то, что дедуля давным-давно отпраздновал свой сотенный юбилей, он с лихвой переживёт не только ныне живущих, но и тех, которые ещё не родились. Покушаться на жизнь нашего старца совершенно бессмысленно. Однажды его взяли и четвертовали. Эффект был диаметрально противоположным. Ко всеобщему изумлению из отсечённых частей тела тут же отрасли все недостающие органы. И получилось несколько дедушек. Один так и остался лежать на кровати, а остальные сразу же подались в народ повышать уровень нашей боевой и политической подготовки. Учёба идёт успешно и непрерывно. В результате на нас обрушился целый океан политики. Эта смертельно опасная стихия полностью поглотила всех. Поглотила, не оставив ни малейшей надежды на то, чтобы выбраться на какой-нибудь захудалый островок и хотя бы на минутку успокоиться. Поглотила всех без разбору, начиная от дворника и заканчивая академиком. На произвол судьбы брошены семья и работа, которые совсем недавно составляли основу нашей жизни, а сегодня превратились в ненужный атрибут человеческого бытия. На передний план выдвинулась беспощадная политика. Мы дышим ею и едим её. Мы пьём политику и закусываем тоже политикой. Мы пьянеем от неё и опохмеляемся ею же, постепенно превращаясь в политголиков. Обезумев от

дикой ярости, раздирая неистовыми криками свои опухшие глотки, взгромоздив на себя множество транспарантов и лозунгов, люди толпами снуют по городам и весям, безжалостно наматывая на измождённые ноги километры улиц и площадей. Эта скандирующая людская масса бурлит с утра до позднего вечера. И лишь к ночи кипение затихает. Но только для того, чтобы рано утром снова взорваться мощным шквалом негодования. Именно в такую минуту затишья и встретились два давних знакомых. В последние годы они виделись редко. Это происходило в думских или министерских коридорах. Причём степень их занятости была настолько велика, что даже не позволяла им как следует пожать друг другу руки. Бывшие друзья на ходу перекидывались какими-нибудь дежурными фразами и удалялись по заранее намеченным маршрутам. Когда-то были неразлучными, вместе рыбачили, семьями выезжали на природу, проводили праздники. А потом... Потом случилось непредвиденное и ужасное. Внезапно налетевший политический вихрь вскружил им головы — как, впрочем, и тысячам других — и оторвал не только друг от друга, но и от их собственных семей. Для многих политика стала любовницей. С горем пополам отсидев положенные на работе часы, люди опрометью бегут в назначенные места. Бегут, чтобы с жадностью впиться в рыхлое и бесформенное тело этой коварной злодейки. А после достижения мало-мальски ощутимого оргазма несчастные снова разбредаются по унылым ячейкам, чтобы переночевать и обеспечить хоть какую-то рекреацию своему изнурённому организму. Для наших героев политика была чем-то ещё большим. Она была для них не только любовницей, но и... женой. Поэтому очень часто приходилось даже ночью удовлетворять потребности ненасытной партнёрши. Служба шла исправно, бесперебойно и круглосуточно. На благо народа и во имя Родины. Да, как ни странно, а этот тезис стоял и будет стоять во главе угла всех политических водоворотов. Но это уже тема другого повествования. Мы же вернёмся к встрече старых друзей. Оба работали в ближайшем окружении лидеров двух крупнейших политических партий России. После тяжёлого и продолжительного рабочего дня, уставшие, они возвращались к местам своего ночлега. Один ехал на автомобиле, а второй, еле волоча ноги, плёлся по мостовой. Встреча произошла просто на улице, на сером, грязном тротуаре и совершенно случайно. Хотя любая случайность является проявлением абсолютной закономерности. Ехавший увидел своего бывшего товарища, резко затормозил, выскочил из машины и закричал: — Серёга! — А, Михаил, здорово. Откуда мчишься? — вяло поинтересовался Сергей. — С митинга. Сегодня на Кировском были. — Да? — оживился собеседник и в его мутных глазах заблестело профессиональное любопытство. — И как прошёл митинг? — Успешно — довольно ответил Михаил. — Как всегда, наобещали целую кучу всякой всячины: земля крестьянам, фабрики рабочим, воздух авиации, вода морфлоту, огонь пожарникам с кочегарами, трубы сантехникам, пыль дворникам, свалки бомжам... а прибыль нам, ха-ха-ха-ха-ха. — Ну, скажем,

пыль вам и самим сгодится, надо же что-то в глаза окружающим пускать. А вот с огнём неувязочка вышла. Как бы кочегары с пожарниками не передрались, ведь вы им одно и то же пообещали. По-моему кочегарам и золы достаточно — попытался съязвить Сергей. — Передраться-то они все передерутся, но только не из-за огня. Чего-чего, а этого добра мы столько поддадим, что на всех хватит. Будут ломать головы, куда излишки деть. Ничего, экспортировать станем. Не будут покупать — за так отдадим. За так не возьмут — заплатим. — А интеллигенции что же, так ничего и не пообещали? — Ну как же, и этих болванов обнадёжили. Ты же знаешь моего первого. Хитёр, паршивец. Всё очевидное с невероятным, говорит, — ваше. Тоже довольные остались… Что это мы всё обо мне да обо мне, ты-то как? Батюшки! Да на тебе лица нет. И костюм разорван. Серёжа, ты где был? — Да вот… тоже митинговал. Насилу ноги унёс. Мой шеф по-прежнему неисправим. Нет, он прекрасный оратор, но ему надлежит выступать только в узком кругу ведущих специалистов министерства финансов. Многолетний опыт показал, что как только мой первый начинает выстраивать свою замысловатую речь, так сразу же у всех слушающих желудочный сок каким-то непостижимым образом трансформируется в адреналин. Ты можешь себе представить, что произойдёт, если весь желудочный сок, оставшийся невостребованным за все годы реформ, внезапно превратится в адреналин? У меня от одной этой мысли волосы стают дыбом. — Погоди, Сергей. Ты вначале напомни мне, что такое адреналин, а то я уже маленько подзабыл. — Ну это такое гормональное вещество, которое при попадании в кровь слегка тронутого человека мгновенно превращает его в буйно помешанного. — А нормального человека? — Так я же тебе и толкую: слегка тронутого. Они у нас ещё с 1917-го года нормальными считаются. Поэтому в последнее время мы полностью отказались от стадионов и площадей. Митинги проводим только во дворах и при наличии выхода из них как минимум на две улицы. Долго на одном месте не митингуем. Как правило, после двух-трёх предложений моего шефа приходится сматывать удочки в следующий по графику двор, где доклад начинаем с тех слов, на которых он был прерван в предыдущем дворе. Таким образом, чтобы полностью реализовать заранее подготовленную речь, необходимо посетить около семидесяти дворов. Все питерские закоулки наизусть знаю. Благодаря этому сегодня живой остался. — А что же произошло сегодня? — Как и всегда, после нескольких предложений нашего лидера возникла острая необходимость срочно покинуть митингующих. Иначе концентрация адреналина в крови электората превысила бы все допустимые нормы. И тогда — крышка. — Не представляю, что надо сморозить, чтобы толпа взбесилась до такой степени. — Да нет, после высказываний моего шефа толпа ещё не дошла до полного бешенства. Ведь мы люди опытные и очень точно определяем ту секунду, в продолжение которой необходимо исчезнуть, чтобы следующая секунда не оказалась роковой. Так и сегодня. После вступительных слов виртуозного

доклада... погоди-ка — Сергей достал из бокового кармана несколько листов печатного текста, — вот послушай: "Господа! Мы стоим на пороге кардинальных перемен. Наша партия делает всё возможное и невозможное, чтобы как можно скорее приблизить перемены тех перемен, которые у нас уже были. В постсоветское время именно нам удалось внести огромный вклад в развитие отечественной экономики. Этому способствовал динамичный рост концентрации западноевропейских концептуальных тенденций на российском рынке, что позволило в значительной степени ограничить эмиссионную деятельность банковских структур и, как результат, добиться резкого снижения дисперсионной составляющей коэффициента корреляции инфляционных процессов. Но поскольку эти процессы носят характер чисто случайной величины, то математическое ожидание квадрата отклонения данной величины от её же математического ожидания приводит к увеличению гибкости депозитарных свойств лизинговых и трастовых подразделений холдингового направления" — конец цитаты. Дальше читать не буду, потому что для тебя это тоже чревато последствиями. — Умён, паршивец — восхищённо произнёс Михаил. — Так вот — продолжал Сергей, — после этих слов шефа глаза митингующих стали постепенно наливаться кровью. В определённый момент ответственный за безопасность дал условный сигнал. Заранее отработанными движениями члены делегации спешно покинули трибуну, быстро рассовались по машинам и были таковы. А я... остался. — Почему же ты не уехал? — Да понимаешь... Короче говоря, я тут ещё в одной партии на полставки подрабатываю, тексты для докладов составляю. Днём времени практически не остаётся, поэтому приходится сидеть по ночам. До нынешнего дня чувствовал себя вполне удовлетворительно. А вот сегодня произошёл какой-то сбой в организме. Утром на трибуне меня вдруг одолела такая сильная усталость, что я решил отойти в задний угол и присесть на корточки, чтобы немного отдохнуть. Только присел, как тут же задремал, опершись спиной об ограждение. Когда пришло время сваливать, коллеги настолько были озабочены своей безопасностью, что моего отсутствия никто и не заметил. — Проснулся я от внезапно наступившей гробовой тишины — рассказывал дальше Сергей. — На трибуне кроме меня никого не было. Я вскочил на ноги и подбежал к перилам. Толпа по прежнему стояла во дворе и с недоумением смотрела на арку, в которой мелькнул багажник завершающего кортеж автомобиля. Когда вереница машин скрылась в арочном проёме, народ вдруг с удивлением обнаружил, что не все ораторы покинули свой электорат. Я ещё не оправился от постигшего меня дремотного состояния, как из толпы вышел какой-то детина и сказал, сопровождая свою нехитрую речь убедительной распальцовкой: «Слышь, чувак, я тут типа симанил, пока твой бугор горбатого лепил, но из всего базара запомнил только два слова: постсоветское время. Ты уж наведи нас на маяк, что это в натуре за время такое? А то я пятнадцать лет на зоне чалился. Только на

днях с кичи откинулся и в натуре никак не могу врубиться в ваш базар. Так что давай, фраер, жги. Твой выход». Ну я им спросонья и отвечаю, что постсоветское время — это время строгого поста в бывших советских республиках. Как говорил кто-то из сатириков, съел бы сникерс да Маркс не пускает, Энгельс его подери. После этой формулировки сборище насторожилось ещё больше и плотным кольцом сжало трибуну. Выход из неё был полностью блокирован. Я похолодел от ужаса и сделал последнюю попытку разрядить обстановку: "Господа — было моё обращение к этим кретинам, — причин для беспокойства нет, поскольку постсоветское время не является длительным периодом в истории человечества и закончится сразу же после того, как начнётся постамериканское время." Эта фраза стала последней каплей, переполнившей чашу терпения. Тут же посыпались крики и возгласы, содержание и смысл которых до меня уже не доходили. Я болезненно искал выход из образовавшейся мышеловки. И не находил. Накал негодования тем временем нарастал. Свирепые восклицания стремились прорвать какую-то незримую оболочку, чтобы выплеснуться на меня яростными и жестокими побоями. Бешенство всё же достигло своего апогея. Победоносно вырвавшись наружу, оно стало накатываться бурлящей и клокочущей людской массой. Несколько человек одновременно бросились к ступенькам, ведущим ко мне. Каждый хотел первым почесать свой кулак и как следует отделать обидчика. Но проход был настолько узким, а нежелание уступить пальму первенства своему ближнему — настолько сильным, что бегущие ко мне люди застряли между перилами лестницы и образовали временный затор, который на несколько мгновений оттягивал трагический исход. Эти мгновения и стали для меня спасительными. Тем временем остальные, видя, что им не преодолеть нагромождения из своих соплеменников, начали брать трибуну приступом. Чтобы забраться на возвышенность, в ход пошло всё, что попадалось под руку: ящики, лавочки, прохудившиеся вёдра и другой хлам, в изобилии валявшийся во дворе. Когда к трибуне подкатили бочку, я понял, что это конец, и стал лихорадочно осматриваться вокруг. — Как же тебе удалось выбраться из этой переделки? — изумлённо спросил Михаил. Тяжело вздохнув, Сергей продолжал: — Моё спасение было кульминацией сегодняшнего митинга. Рёв толпы усиливался. В меня уже летели камни и куски асфальта, сопровождавшиеся непрерывным потоком грязной ругани. Всего несколько мгновений отделяли штурмующих от сладострастной расправы. Из-за фанерного борта трибуны показалась первая перекошенная от злобы рожа. Как загнанный в западню зверёк, я метался по крохотной площадке и жадно обшаривал глазами прилегающую местность в надежде отыскать спасительную соломинку. И вдруг… — Сергей замолчал, с трудом переводя дыхание и как бы заново переживая происшедшее. — Что же было дальше? — сгорал от нетерпения Михаил. — Дальше было цирковое представление. По счастливой случайности трибуна была установлена почти вплотную к стене одного из множества

трёхэтажных домов, из которых образовывались многочисленные дворы. Когда мой взор скользнул по стене, я вдруг увидел в метре от себя спускавшуюся с самой крыши водосточную трубу. Времени для раздумий уже не оставалось. Выбора тоже не было. Лихо преодолев борт возвышенности, я остервенело обвил всеми четырьмя конечностями устремившееся ввысь металлическое приспособление. Оно было ржавым, холодным, грязным, но таким желанным в эту роковую минуту. Благодаря способностям, полученным по наследству от наших далёких предков, моё дрожавшее от страха тело быстро набирало высоту. Жажда жизни буквально выплюнула меня на крышу дома. Немного отдышавшись, я посмотрел вниз и с удивлением отметил, что звериный оскал электората сменили восхищённые взгляды. Публика была в шоке. Митингующие остолбенело смотрели вверх и не могли сдвинуться с места. Их переполняли какие-то смешанные и непонятные чувства. Если бы этажей насчитывалось хотя бы десять, триумф был бы обеспечен. Тогда бы можно было смело опускаться вниз под ликующие аплодисменты изумлённых зрителей. Это произвело бы полный фурор. Но поскольку дом оказался всего лишь трёхэтажным, я не стал рисковать и начал постепенно удаляться от этого злополучного места. Мне надо было успеть скрыться до того, как толпа выйдет из постигшего её оцепенения. Перепрыгивая из одной крыши на другую, я уже точно знал, в каком дворе надо приземлиться, чтобы обеспечить себе максимальную безопасность. Вот так всё и закончилось. Денёк выдался не из лёгких. — Это уж точно — посочувствовал Михаил. — Насколько я тебя помню, ты всегда был шутником. И всегда твои репризы имели успех. Однако сегодня тебя явно не поняли. — Не говори, дружище. Чего только не наплетёшь спросонья. Но должен тебе сказать, что пока я громыхал кровельным железом, унося ноги от преследователей, меня вдруг посетила неплохая мысль: постамериканское время — это ведь то, что нам нужно. — То есть ты хочешь сказать, что американская нищета будет служить источником нашего расцвета? — Ну не совсем так. Ихняя нищета могла бы нам послужить в случае прямого перекачивания ресурсов из Америки в Россию. Но поскольку такая задача невыполнима, то надо искать другие подходы. Важно найти такую точку соприкосновения, которая обеспечивала бы наш подъём и в то же самое время являлась причиной упадка враждебного нам государства. — А без ихнего упадка мы не можем обойтись? — Это невозможно. — Почему? — Да потому что ни одна сверхдержава не допустит, чтобы в мире существовали другие сверхдержавы. Мы конечно же мним себя таковыми, но если трезво оценить ситуацию, то это далеко не так. Американцы делали и всегда будут делать всё, чтобы мы постоянно находились в дерьме и никогда из него не вылазили. При этом события развиваются настолько утончённо, что любая западная подлость выглядит в глазах многих как братская помощь. — Пожалуй, ты прав — задумчиво сказал Михаил. — Твоя идея действительно заслуживает внимания. Но как её реализовать практически? — В том-то и дело, что пока не

знаю. Сегодня хочу подбросить эту идею своему шефу, потому что завтра он должен встречаться с президентом. — С президентом? — в замешательстве спросил Михаил. — Ну да. А что случилось? — удивился Сергей. — Видишь ли, вчера мне случайно удалось подслушать конфиденциальный разговор моего однопартийца с одним высокопоставленным чиновником. Невероятные вещи происходят у нас в стране. Оказывается, наш министр обороны вовсе и не министр, а всего лишь его заместитель. Президент тоже не президент, а вице-президент. Из разговора я понял, что эти должности — президента и министра обороны — занимает один и тот же человек. Однако его фамилии они так и не назвали. После этих слов Сергей окинул своего товарища оторопелым взглядом и начал медленно опускаться на тротуар. Михаил тут же принялся его успокаивать: — Серёжа, ты только не расстраивайся. Мы непременно выясним, кто этот человек. — Болван — раздражённо произнес Сергей, — неужели ты до сих пор не понял, кто этот человек? Какое-то время Миша удивлённо молчал, не зная даже, что и предположить. И вдруг его пронзила невероятная догадка. Охваченный жутким страхом, он звучно втянул в себя воздух, прикрывая ладонью широко раскрытый рот и одновременно придерживая отвисшую челюсть. Выпучившиеся глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. — Неужели... — только и успел промямлить Миша. — Цыц, бестолочь этакая! — резко оборвал собеседника Сергей. Затем он быстро вскочил на ноги, вплотную приблизился к Михаилу и скороговоркой затараторил: — Слушай меня внимательно. О сегодняшнем нашем разговоре забудь. Сейчас же разбегаемся в разные стороны. Ты меня не знаешь, я тебя никогда не видел. Забудь обо всём, иначе нам обеим — хана. Сделав решительный шаг в сторону, Сергей торопливо засеменил вдоль улицы. Но потом внезапно остановился. Повернувшись назад, снова подбежал к своему старому другу, крепко обнял его и со слезами на глазах промолвил: — Прощай, Миша! Счастливого тебе поста. И не поминай лихом. Нежно хлопнув товарища по плечу, Сергей растворился в надвигающихся сумерках. А Михаил так и остался стоять на тротуаре застывшим изваянием. Его помутневший взгляд терялся где-то в пространстве. Казалось, что это состояние уже никогда не покинет нашего героя.